

**Грузины и абхазы
путь к примирению**

Общая

редакция:

Б. Коппитерс

Г. Нодиа

Ю. Анчабадзе

ВСЕЬ МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 1998

ББК 66.5 (2Рос) К 66

Бруно Коппитерс

Редактор *А. П. Фоменко*

К 66

Грузины и абхазы. Путь к примирению/ Общ. ред.: Б. Коппитерс, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе. — М.: Издательство «Весь Мир», 1998.—248 с.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей — важная веха в научном диалоге грузинских и абхазских исследователей по тяжелой для обеих сторон проблеме, связанной с войной 1992—1993 гг., ее последствиями и поисками выхода из конфликта. Авторы статей стремятся объективно осмыслить истоки и причины трагического противостояния, предлагают различные варианты мирного урегулирования, рассматривают вопрос о роли международного сообщества в деле достижения согласия. Хочется верить, что данная публикация послужит не только целям исследования сложных грузино-абхазских взаимоотношений, но и станет существенным шагом вперед на пути взаимопонимания между научными сообществами Грузии и Абхазии, совместные усилия которых будут способствовать установлению мира в регионе.

ББК 66.5 (2Рос)

без объявл.

0801000000—094 8A7 (03)—98

© Centrum voor politicologie

Vrije Universiteit Brussel, 1998

© Издательство «Весь Мир», 1998

ISBN 5-7777-0008-X

ВВЕДЕНИЕ

Анализ грузино-абхазской войны 1992—1993 гг. и оценка возможностей мирного урегулирования должны сочетать в себе множество характеристик, которые нелегко коррелируют друг с другом. Следует не только дать основанное на фактах описание исторических истоков конфликта, но и помочь читателям глубже проникнуть в то, как трактуют их грузинские и абхазские представители академических и интеллектуальных кругов. Анализ должен быть таковым, чтобы побудить читателя отнестись с большим пониманием к самим их интерпретациям и не вызвать у него стремления сразу их опровергнуть. В обеих поствоенных общинах реконструкции прошлого, однако, в значительной степени основаны на критике интерпретаций, выдвигаемых «противоположной стороной». Поэтому аналитик должен предусмотреть этот «направленный вовнутрь» взгляд на конфликт, который бытует среди грузин и абхазов, включая предрассудки и взаимные обвинения. Настоящий сборник статей был подготовлен в убежденности, что диалог между грузинскими и абхазскими учеными мог бы способствовать такому анализу.

Первые варианты статей, собранных в этом издании, были обсуждены на конференции в Брюсселе, во фламандском Свободном Брюссельском университете (Vrije Universiteit Brussel, VUB) 12—14 июня 1997 г., которая была организована совместно Гиа Нодиа, Юрием Анчабадзе и мною, Бруно Коппитерсом. Конференция, а также публикация ее материалов в качестве специального выпуска «Кавказских региональных исследований» получили финансовую поддержку по программе TACIS Европейского союза, от фламандского Свободного Брюссельского университета VUB, Фонда научных исследований Фландрии и по Программе развития ООН (ПРООН)¹. Результаты дискуссии на конференции учитывались при написании заключительных вариантов статей. Авторы стремились дать строго академическое изложение своих взглядов на грузино-абхазскую историю с собственным объяснением причин того, почему страх и недоверие породили ненависть и необузданное применение силы. Их размышления о войне — в значительной степени результат более широких дискуссий. В целом они представляют взгляды, преобладающие в грузинских и абхазских общественных кругах, на весь накопившийся груз прошлых несправедливостей, совершенных в

¹ Английский вариант сборника публикуется Федеральным институтом по международным исследованиям и изучению Востока (Bundesinstitut für Internationale und Ostwissenschaftliche Studien) в Кёльне. Русский вариант выходит в издательстве «Весь Мир» в Москве. Электронная версия на обоих языках будет помещена на интернетовском сайте в журнале «Caucasian Regional Studies». Vol. 3, No 2 & 3, 1998 (<http://www.vub.ac.be/POLI/>).

царские и советские времена, на грузинские и абхазские национальные проекты и их видоизменения в результате войны.

Попытка дать сбалансированное изложение грузинской и абхазской точек зрения не означает, что следовало избегать ценностных понятий или сглаживать полемические аргументы. Вячеслав Чирикба использует термин «агрессивный интеграционализм», характеризуя попытку центральных правительств любой ценой — включая силовые средства — воспрепятствовать осуществлению права на самоопределение меньшинства на своей территории. Это словосочетание — даже если это напрямую не подчеркивается автором — является зеркальным отражением термина «агрессивный сепаратизм», которым неоднократно пользовался Эдуард Шеварднадзе для описания попыток националистических движений выйти из состава сложившихся государств любой ценой, без какой-либо демократической легитимации или возможного оправдания по международным правовым стандартам. Но даже высказывая критические или полемические суждения, авторы приводят аргументацию, которая остается открытой для продуктивной дискуссии. Читатель заметит, что участники проекта настоящего издания сосредотачивают усилия не столько на опровержении утверждений своих противников, сколько на детальном разъяснении собственной точки зрения. Читатель должен принять во внимание, что такой обмен мнениями довольно редко встречался на общественных и академических форумах до 1997 г. Хотя иногда авторы не скрывают своего разочарования тем, что политическая позиция их национального общественного мнения не понята должным образом другой стороной, этот подход должен рассматриваться как позитивный, так как означает, что в процессе рационального обмена мнениями не исключается нахождение точек соприкосновения обеих сторон. Не все интеллектуальные связи между обеими общинами были прерваны в ходе войны.

Данный академический диалог имел целью представить многоплановый анализ войны, ее истоков и перспектив урегулирования. Конференция и проект настоящего издания ставили перед собой также практические задачи. Встречи между учеными имеют другие цели, нежели встречи между политическими представителями или членами неправительственных организаций. Цель диалога состояла не в том, чтобы дублировать на академическом уровне переговоры, проходящие в Москве или в Женеве и стремящиеся найти взаимоприемлемый компромисс для урегулирования конфликта, и не в обсуждении того, каким образом совместные проекты могут удовлетворить общие потребности, существующие в обеих общинах, так как последнее — цель проектов сотрудничества

неправительственных организаций. Конкретные академические цели этого проекта издания сборника можно выразить двумя пунктами: во-первых, содействие научному сотрудничеству между обеими общинами в международных рамках; во-вторых, поощрение дискуссий среди общественности путем публикации книги, предназначенной для широкой аудитории в Грузии и Абхазии. Эти две цели организаторов вполне традиционны для научной деятельности. Что касается первой цели, разделяемой грузинскими и абхазскими участниками, то она подразумевает интернационализацию сотрудничества между ними путем подключения иностранных университетов и исследовательских центров; она имеет также политическое измерение, которое не всегда присутствует в научно-исследовательских проектах. Более того, она гармонирует с усилиями абхазского и грузинского правительств заручиться признанием своих собственных предложений об урегулировании со стороны международного сообщества, но отличается от этих усилий тем, что подобные акции ограничиваются обменом мнениями.

Сотрудничество

Главной задачей конференции было налаживание сотрудничества. По мнению ее организаторов, относящемуся еще к лету 1996 г., конференция, призванная обсудить первые варианты статей сборника и последующую их публикацию, должна была продемонстрировать, что практическое сотрудничество между грузинскими и абхазскими учеными может преодолеть на научном уровне тупик на политических переговорах между их правительствами. Конференция в Брюсселе не была первой конференцией с участием грузин и абхазов. До этого уже было проведено несколько подобных встреч с ясно выраженной целью облегчить диалог между противоборствующими сторонами. Инициативы исходили от таких организаций, как норвежский Совет по делам беженцев, Университет Джорджа Мейсона, а также отдельных лиц, таких как Пола Гарб из Калифорнийского университета. Участники неправительственных организаций встречались в Москве (март 1996 г.) и в Шлайнингене (Австрия). В 1997 г. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) организовала встречу в Варшаве с грузинскими и абхазскими журналистами. В начале июня 1997 г. конференция в Харлеме (Нидерланды) с участием грузинских и абхазских ученых была организована Мехметом Тютюнджю¹. Базирующаяся в Лондоне неправительственная организация «Международная тревога» (International Alert), по завершению успешной программы

¹ Tutuncu Mehmet *Caucasus: War and Peace. The New World Disorder and Caucasia*. Haarlem, 1998 (книгу можно заказать по электронной почте по адресу <sota@euronet.nl>.

в 1997 г., приступила к осуществлению в 1998 г. новой программы по укреплению доверия между сторонами, предусматривающей проведение шести симпозиумов (workshops)¹.

Правительства Грузии и Абхазии, зайдя в тупик на переговорах по вопросу о характере взаимоотношений и попав от России в зависимость, которая стала до некоторой степени невыгодной обеим сторонам, наконец осознали преимущества установления прямых политических контактов в дополнение к переговорам, организованным в Москве российским МИДом или проводимым под эгидой ООН в Женеве. Такие прямые контакты не привели к какому-либо крупному успеху, но обе стороны продолжали рассматривать их как полезные, и они были продолжены в последние годы с участием представителей обеих общин на более функциональном уровне. Регулярные встречи по решению проблем, представляющих взаимный интерес, в последние годы проводили сотрудники служб безопасности и технические эксперты. Создание в ноябре 1997 г. Совета сотрудничества институционализировало прямые контакты. ООН, проявившая живейшую активность в создании Совета, надеялась, что такая попытка сближения сторон облегчит политическое урегулирование.

Из аналогичного подхода исходят встречи и проекты сотрудничества между учеными. Отношения между научной общественностью обеих национальных групп еще перед войной были глубокого конфликтными. Среди всех дисциплин в области общественных наук особую роль в идеологических спорах играли история и лингвистика. Представители этих дисциплин вступили в научные диспуты по вопросам как древности обитания обеих общин в регионе, так и происхождения абхазского языка. Их аргументы тут же брались на вооружение националистическими политиками обеих сторон. Конфликты между двумя группами научной общественности имели место и на институциональном уровне. Создание филиала Тбилисского университета в Сухум(и) в 1989 г. абхазская община восприняла как провокацию и отвергла этот проект². Но основными катализаторами раздора в войне 1992—1993 гг. являлись национальная идентичность и национальный суверенитет. Уничтожение абхазского Государственного архива в Сухум(и) грузинскими войсками во время войны было направлено на разрушение абхазской национальной памяти. С началом войны все еще остававшиеся контакты между двумя научными общинами были полностью прерваны, и эта ситуация не

¹ См. сообщение Анны Матвеевой в Координационном комитете по подготовке кадров по разрешению конфликтов в Европе // Coordinating Committee for Conflict Resolution Training in Europe. No 5. Spring 1997. <http://www.c-r.org/cr/ccts/>.

² См.: Gelaschwili Naira. Georgien. Ein Paradies in Trümmern. Berlin: Aufbau Verlag, 1993.

изменилась до тех пор, пока не возобновились первые контакты между обеими общинами на функциональном уровне.

Историки, философы и ученые-обществоведы не меньше, чем инженеры или другие технические эксперты, профессионально заинтересованы в сотрудничестве. Их вовлеченность в идеологические споры не препятствует сотрудничеству, а напротив, делает необходимость такого сотрудничества еще более настоятельной. Ангажированность ученых-обществоведов в идеологических баталиях — нормальное состояние их интеллектуального творческого потенциала, а качество их научной работы может пострадать лишь в том случае, если они будут закрывать глаза на возможные последствия своей идеологической ангажированности. Но последняя не будет противоречить научному характеру их исследований, если будут соблюдаться основные методологические правила, результаты исследований будут доступны для независимой проверки и сами исследователи останутся открытыми для непосредственной критики со стороны своих коллег. Идеологическая компонента научной деятельности будет иметь отрицательное влияние на качество исследований лишь в том случае, если хоть одно из этих условий не будет выполнено. Критика со стороны коллег, которые не разделяют данные идеологические установки, — важный элемент в этом отношении. Отсутствие же научной критики, которое было характерно для Советского Союза, когда не допускалось отхода от марксистско-ленинских установок, приводит к догматизации общественных наук. Ныне же, после распада Советского Союза, научные споры между учеными-обществоведами, стоящими на различных идеологических платформах или защищающими противоположные национальные интересы, могут способствовать появлению плодотворных исследований о новых обществах.

Грузинскими и абхазскими учеными в области общественных наук со времен войны было написано немало научных статей, книг и брошюр, анализирующих истоки конфликта. Но все эти работы предполагались для внутренней и в меньшей степени для международной аудитории. У ученых-обществоведов из Грузии и Абхазии не было в то время никакой возможности шлифовать свою аргументацию и обсуждать результаты своих исследований в рамках совместных проектов. Характерно, что в ходе обсуждения первого и подготовки второго вариантов статей настоящего сборника все авторы положительно восприняли замечания остальных участников конференции и доработали содержание своих вторых вариантов, не допустив, однако, компромисса по идеологическим вопросам, которые они считали для себя важными. В результате этот обмен мнениями способствовал большей фактической точности и обогащению материала.

Данная книга служит в первую очередь академическим интересам, но в подготовке этого проекта присутствуют и политические намерения, что нуждается в разъяснении. Отношения между академическими и политическими мотивациями могут в данном конкретном случае показаться неоднозначными. Можно предположить, что политическое измерение в таком сотрудничестве станет доминировать, и для этого есть немало причин. Во-первых, абхазские и грузинские ученые налаживали сотрудничество в ситуации, когда любая форма контактов между обеими общинами по необходимости носила сильную политическую окраску. Во-вторых, главные темы этого научного сотрудничества и обсуждений касались истории и политики. В-третьих, ряд авторов и прежде, и в тот период, был активно вовлечен в политику. Станислав Лакоба, например, был вице-председателем парламента Абхазии прошлого созыва, Вячеслав Чирикба — представитель Абхазии в странах Западной Европы, а Реваз Гачечиладзе — ныне посол Республики Грузия в Израиле. В-четвертых, конференция финансировалась в соответствии с контрактом между программой TACIS и Европейской комиссией, которая активно преследует собственные интересы в кавказском регионе и рассматривает такую конференцию как вклад в политическое урегулирование конфликта. В-пятых, грузинское и абхазское правительства имеют тенденцию видеть в проведении такой конференции одно из средств привлечения международного внимания к конфликту между ними, чтобы найти поддержку своей позиции у международной аудитории. Они также рассчитывают на политические выгоды от такой конференции, получив более полную информацию о всей гамме позиций, отстаиваемых другой стороной, чем в ходе прямых политических переговоров.

Все эти факторы, которые могли бы привести к «политизации» дискуссии в ущерб научности, были приняты во внимание при подготовке данного проекта. Редакторы книги были убеждены, что для того, чтобы избежать отрицательного влияния некоторых специфических политических интересов на характер издания, было достаточно следовать вполне традиционной академической практике организации дискуссий на конференции. Они полагали, что нужно всего лишь потребовать от авторов соблюдения обычных научных стандартов при подготовке книги для публикации. Эти требования были направлены на то, чтобы избежать чрезмерного политизирования научных дебатов, не допуская какого-либо влияния на приверженность авторов определенным идеологическим взглядам и ценностным ориентирам. Но, конечно, не следует считать, что ученые менее вовлечены в политический конфликт, которым охвачено их собственное общество, чем другие граждане. Недоверие и ненависть — существенные факторы в том конфликте,

которому не удалось избежать применения военной силы. Показ этого эмоционального измерения конфликта, как и ожидалось, происходил в рамках рационального аргументирования, при котором осознавалась вся трудность достижения «сбалансированного», «непредубежденного» подхода к прошлым несправедливостям, ужасам войны и обязательствам политических лидеров и международного сообщества.

Конференция была закрыта для публики, поэтому некоторым экспертам из западных университетов и научных центров разослали первые варианты статей, предложив дать отзывы на них. Чтобы избежать «политизации», предлагалось учесть мнение специалистов по программам укрепления доверия, которые советуют в подобных случаях приглашать в качестве экспертов не специалистов по данному региону, а скорее профессионалов по определенным дисциплинам (федерализм, теория конфликтов и т. д.), способных рассмотреть проблему с более абстрактной точки зрения. Региональные специалисты действительно имеют тенденцию к предвзятости и порой разделяют предубеждения одной из противоборствующих сторон, тогда как специалисты-теоретики, не имеющие обширной информации о регионе, способны релятивизировать идеологические вопросы, о которых идет речь. Организаторы конференции не придерживались этого правила, но полагали, что применение стандартных академических процедур, описанных выше, достаточно, чтобы обеспечить научный характер любого такого проекта. Мы пригласили около двадцати исследователей из различных западных университетов и научных центров¹, которые, как оказалось, во многих случаях наилучшим образом осуществляли контакты с одной из сторон. Тот факт, что они обладали большим объемом информации по обсуждаемым проблемам и подчас отстаивали аргументы одной стороны в споре против другой, не нарушил хода обсуждений даже по такой сложной проблеме, как грузино-абхазский конфликт, а скорее способствовал тому, что они оказались плодотворными. Разнообразие точек зрения позволило развернуть обмен информацией по самому широкому спектру проблем, чего, вероятно, не

¹ В работе конференции участвовали Антони Антуан (фламандский Свободный Брюссельский университет), Линкольн Аллисон (Уорвикский университет), Мартина Бом (Университет Ля Троруб, Мельбурн), Кевин Клеменц (Университет Джорджа Мейсона), Рэйчел Клогт (Оксфордский университет), Джонатан Коэн (Фонд межэтнических отношений, Гаага), Ян де Фогд (Тбилисский отдел TACIS по наблюдению и оценке), Теодор Ханф (Институт Арнольда Бергштрессера, Фрайбург), Хейди Хилтунен (Европейская комиссия), Терренс Хопман (Университет Брауна), Каха Гоголашвили (посольство Грузии в Бельгии), Риа Ланен (фламандский Католический Лувенский университет), Анна Матвеева («Международная тревога», Лондон), Нино Нанава (Лондонская школа экономики), Клаус Рас-муссен (Копенгагенский университет), Эрик Ремакль (франкоязычный Свободный Брюссельский университет), Андреа Шмидт (франкоязычный Католический Лувенский университет), Дэвид Тирр (Европейская комиссия) и Мартин Шюмер (организация «Добровольцы ООН»).

случилось бы, если бы грузинские и абхазские ученые монополизировали конкретную историческую информацию о конфликте, в то время как западные участники дебатов были бы обречены в своих выступлениях оперировать лишь самыми абстрактными конструкциями.

Сложная связь между академическими и политическими интересами не должна представляться только в том плане, что наука лишь обслуживает политические интересы. Политические организации, занимающиеся проблемами безопасности, в определенной степени стремятся присоединиться к мероприятиям, проводимым академическими институтами и другими неправительственными организациями, поскольку получают возможность использовать ряд появляющихся преимуществ в сравнении с возможностями традиционных форм многосторонней или двусторонней дипломатии. Во-первых, некоторые международные организации не имеют возможности установить прямые контакты с правительствами «государств, находящихся в подвешенном состоянии» (suspended states), таких, как Абхазия. За исключением регулярных встреч с делегациями ООН и России (которые являются посредниками между обеими сторонами в вооруженном конфликте) и спорадических дискуссий ознакомительного характера между абхазским правительством и западными дипломатами или представителями международных организаций проблемы Абхазии не поднимаются на международных дипломатических форумах. Финансирование мероприятий по сотрудничеству с неправительственными организациями из Абхазии — почти единственный возможный способ в какой-то мере избежать негативных последствий такой изоляции. Но это в свою очередь связано с риском того, что политические дискуссии с «подвешенными государствами» на тему этнических и региональных конфликтов станут зависеть от выдвигаемых в собственных интересах спонтанных инициатив академических учреждений или других неправительственных организаций, которые способны привлечь достаточно внимания и финансовую поддержку от организаций, предоставляющих заинтересованные фонды.

Есть и другое преимущество академического или любого иного сотрудничества на уровне неправительственных организаций перед политическими организациями, занимающимися проблемами безопасности. Такие формы сотрудничества основаны на их собственном временном графике — они идут в ином ритме, нежели политические переговоры — и гораздо менее чувствительны к перепадам политической конъюнктуры. Диалог между их представителями, базирующийся на их собственных критериях, может быть успешным там, где потерпят неудачу правительственные переговоры. Например, во второй половине

1996 г. едва удалось избежать провала политических переговоров между Грузией и Абхазией из-за подготовки абхазским правительством парламентских выборов без участия грузинских внутренне перемещенных лиц. И все же эти напряженные отношения между обоими правительствами не помешали подготовке нашей конференции, получившей поддержку со стороны грузинских и абхазских властей.

Большинство неправительственных организаций, занимающихся грузино-абхазскими проблемами, финансируются западными фондами. Удивительно в этом отношении, что российские власти, которые имеют значительные интересы и сильную военную группировку в кавказском регионе, пока не реализовали в достаточной мере программ по укреплению доверия или развитию сотрудничества ученых в регионах конфликтов¹ с целью добиться лучшего понимания самой российской политики, которой, как отмечается в статьях грузинских и абхазских авторов этого сборника, недостает легитимности и признания.

Общественное мнение

Главной практической целью конференции было издание книги. В отношении Грузии и Абхазии такая деятельность приобретает специфическое дополнительное звучание. Активное вовлечение общественного мнения в обсуждение условий справедливого урегулирования конфликта, даже если оно будет расценено некоторыми политическими представителями или должностными лицами международных организаций как излишнее или как угроза устойчивому прогрессу на переговорах, является в конечном счете обязательным условием для достижения любого политического решения на Кавказе. Мобилизация общественного мнения в конфликтах в регионе была слишком интенсивной, а борьба за власть во всех кавказских странах и сейчас слишком остра, чтобы допустить какое-либо компромиссное решение в условиях, когда общественное мнение не готово пойти по этому пути. Бывший президент Армении Левон Тер-Петросян на собственном опыте убедился в том, что готовность к компромиссу может быть легко истолкована политическими противниками как пренебрежение государственными интересами.

Грузинское и абхазское руководства постоянно отслеживают возможные негативные реакции своей общественности на выдвигаемые ими инициативы. Конфронтационная политика, которую грузинское и абхазское правительства вели

¹ В статье, опубликованной в «Независимой газете», Александр Искандарян выразил сожаление по поводу столь малой заинтересованности в этом. См.: Ученые обсуждают проблемы Кавказа // Независимая газета. 19 ноября 1997 г.

даже после заключения в 1993 г. соглашения о прекращении огня и признания принципа мирных переговоров, проводилась в значительной степени с оглядкой на внутренние политические потребности. Такая антикомпромиссная политика была направлена на то, чтобы сбить гнев значительных масс населения, неудовлетворенных отсутствием конкретных положительных результатов переговоров и выражающих опасение, что их интересы не будут учтены. Страх обоих правительств потерять доверие собственных рядовых граждан может отчасти объяснить, почему дискуссии о политическом статусе абхазского государства и мирном соглашении не привели к существенному прогрессу. В этих условиях имеет смысл бороться за прямое вовлечение общественности в продолжающиеся дискуссии между обеими сторонами. Для грузинской и абхазской аудиторий публикация сборника может явиться вкладом в диалог между обеими сторонами, который не ограничивается политическими представителями, а включает общественное мнение, т. е. может облегчить понимание общественным мнением одной стороны чаяний и целей другой.

Концепция общественного мнения используется несколькими авторами настоящей книги. Реваз Гачечиладзе приравнивает мнения «абхазов» и «грузин» к «господствующему общественному мнению в каждой из этнических групп». Подобное использование термина «абхазы» или «грузины» можно найти и в статьях Юрия Анчабадзе и Гиа Нодиа. Интересно само по себе предпочтение, отдаваемое всеми авторами понятию «общественное мнение», а не термину «гражданское общество», который в принципе более популярен в академических кругах. Понятие «общественное мнение» обозначает относительно менее активную форму вовлеченности населения в общественные дела, чем та, что подразумевается в понятии «гражданское общество». Использование этого термина (или же использование термина «абхазы» или «грузины» в формулировке Реваса Гачечиладзе) позволяет избежать трудных дебатов по вопросу о том, в какой степени в Грузии или в Абхазии сформировалось активное («реальное») гражданское общество. Многие могут сомневаться по поводу значимости «гражданского общества» в обеих общинах, но немногие подвергли бы сомнению важность общественного мнения в их борьбе за суверенитет и независимость.

Идея издания этой книги была основана на констатации того факта, что поиск решения проблем путем переговоров остается первейшим приоритетом в Абхазии и Грузии, но что дискуссии о политических перспективах урегулирования происходят односторонне. Обсуждение альтернатив экономическому эмбарго, отказу преодолеть последствия этнических чисток или постоянной военной мобилизации в

основном происходит внутри той или иной общины, а не между ними. Каждая сторона испытывает недостаток осведомленности о происходящих на другой стороне дебатах относительно политической стратегии. Каковы взгляды людей на «общее государство»? Какова будет реакция местного населения Абхазии на возвращение беженцев? Как общественное мнение в Грузии и Абхазии воспринимает будущее кавказского региона? Какова связь между национальной и региональной идентичностью? Как относятся люди к созданию общекавказских институтов? В целом же организаторы дискуссий среди общественности испытывают недостаток информации об интеллектуальных предложениях, вырабатываемых на другой стороне линии прекращения огня. Настоящий сборник статей призван заполнить этот пробел. Создание «общего государства», на которое грузинское и абхазское правительства, кажется, соглашаются в самом общем плане, также нуждается в таком же «общем (совместном) общественном мнении», чтобы определить его точное институциональное содержание.

Авторы сборника писали свои статьи не только для собственной «домашней» аудитории или для безликих читателей международных научных журналов. Одна из целей, к которой мы стремились в процессе подготовки этой книги, заключалась в том, чтобы авторы приняли во внимание восприятие аудитории «другой стороны». Обсуждение первых вариантов статей на конференции в Брюсселе, как оказалось, было плодотворным. Возможно, именно этим объясняется, почему авторам удалось избежать полемического стиля, столь характерного для работ, написанных для внутренней аудитории. Грузинские читатели сборника встретят в статье Станислава Лакобы предложение о конфедерации, в которую первоначально войдут Грузия, Абхазия и Чечня и которая останется открытой для вступления в нее других кавказских наций. В этой статье автор дает острый критический анализ грузинской политики в течение краткого периода независимости 1918—1921 гг., но он также делится своими представлениями о том, что является общими геополитическими интересами и цивилизационными традициями Грузии, Чечни и Абхазии. Он объясняет свое предпочтение конфедеративному решению — при котором все страны-участницы сохранили бы свой суверенитет и обращались бы друг с другом на равных — недостатком доверия федеральным учреждениям. Согласно его аргументации, федеральные учреждения обязательно привели бы к притеснению абхазской общины. Главная причина в том — автор цитирует здесь «Северный Кавказ», общекавказский эмигрантский журнал, издававшийся в Варшаве в 1934 г., — что «такова была судьба всех государств, в которых вокруг больших народов объединялись народы малые».

Читатель может выдвигать различные возражения или формулировать дальнейшие исследовательские вопросы касательно этого предложения по урегулированию конфликта. Европейский опыт действительно показал, что более широкая региональная интеграция могла бы положительно сказаться на федерализации ранее унитарных государств Европейского союза, вроде Испании или Бельгии, и на регионализации или процессах деволюции (передачи полномочий на нижний уровень власти) в таких нефедеративных странах, как Италия или Великобритания. Сам Европейский союз приобрел псевдофедеральную структуру, ограничив суверенитет своих членов, и это может быть интересно с точки зрения процессов регионализации в других районах. Но существует ли нечто вроде кавказской идентичности, которая была бы основана на определенных цивилизационных ценностях, таких, как равенство и независимость, и на которой может базироваться процесс интеграции? Возможна ли интеграция без серьезного ограничения национального суверенитета государств, что подразумевает необходимость двигаться за рамки каких-либо конфедеративных форм правления? Разве процесс интеграции в общеевропейские учреждения или альянсов с державами, находящимися в данном регионе, не являются более привлекательной перспективой для наций Северного и Южного Кавказа? Разве это может сильно затруднить процессы кавказской интеграции? Решит ли конфедерация проблему сосуществования грузинской и абхазской общин в самой Абхазии? Какие гарантии может предложить конфедерация для мирного разрешения конфликтов между членами-учредителями? Верно ли все еще в 90-е гг. XX в. (как это было в значительной степени верно в 30-е гг.), что неравенство сил между нациями в федеральной структуре никогда не исправляется созданием адекватных учреждений и обязательно ведет к притеснению более слабой нации? Являются ли и сейчас каталонцы, баски и галисийцы угнетенными меньшинствами в Испании, какими они были в 30-е гг.? Является ли немецкая община угнетенным меньшинством в Бельгии (она составляет 0,7% — меньший процент от всего бельгийского населения, чем составляли абхазы в Грузии в 1989 г.)? Последнее по счету, но не по важности: какие гарантии удовлетворения коренных интересов российской безопасности на южных границах дал бы такой выбор в пользу кавказской конфедерации? Может быть, иные политические структуры, помимо конфедерации (интегративные структуры наподобие, например, Скандинавского совета, в котором представлены и национальные, и региональные правительства¹), лучше приспособлены для того, чтобы объединить различные интересы регионов и государств Кавказа, включая Россию? Некоторые из этих вопросов обсуждались на июньской конференции, и

некоторые статьи в этом сборнике дают частичные ответы на эти вопросы, прозвучавшие в дискуссии. Здесь, может быть, достаточно сказать, что идеи Станислава Лакобы выходят за рамки защиты интересов абхазов и что его предложение основано на его личном восприятии общекавказских интересов.

Ту же заботу об общих интересах можно найти в статье Реваза Гачечиладзе. Он не избегает острых обвинений против абхазского руководства относительно его прошлой политики и ответственности за отсутствие прогресса на политических переговорах, но в то же время выстраивает всю структуру своей статьи вокруг тезиса, что международная экономика будет нуждаться в товарах и услугах, которые Абхазия производила в советские времена, только при условии, что политическое соглашение между грузинской и абхазской сторонами гарантирует стабильность и достаточную рабочую силу. Нормальные контакты с внешним миром были бы необходимым условием для любого экономического развития, которое могло бы иметь место только после взаимно согласованного политического урегулирования. Тот, кто защищает право на отделение Абхазии, мог бы возразить против этой аргументации тезисом, что необходимость интеграции малочисленных национальных меньшинств в более крупный экономический рынок и их защиты достаточной государственной мощью, возможно, существовала в прошлом, но что глобализация мировой экономики и укрепление международного права теперь значительно снизили потолок затрат, связанных с достижением независимости¹. Число независимых стран возросло с 62 в период перед Первой мировой войной до 193 в настоящее время. 35 из них имеют население менее полумиллиона человек, в то время как довоенное население Абхазии составляло 537 тыс. чел². Независимость может затруднить доступ Абхазии на международные рынки и ее участие в международных форумах в большей степени, чем если бы она стала федерированным государством, но независимость не была бы невозможна по экономическим причинам. Можно задать вопрос: может ли аргументация Гачечиладзе убедить сторонников независимости Абхазии, которые вообще считают национальную свободу гораздо более важным достижением, чем материальное благосостояние собственного населения. Это не опровергает, однако, главный тезис Гачечиладзе, который гласит, что политическое соглашение является предпосылкой экономического восстановления Абхазии. Абхазии будет труднее присоединиться к

¹ См.: Galtung Johan. Some Observations on the Caucasus, в: Caucasian Regional Studies, Vol. 2. Issue 1. <http://www.vub.ac.be/POLI/>.

² См.: Kymlicka Will. Is Federalism a Viable Alternative to Secession?, в: Lehning (ed.) Theories of Secession, London and New York, 1998. P. 140—141. См.: Small but Perfectly Formed // The Economist, 3 January 1998.

клубу микросоциальных государств — таких, как Сент-Винсент, Исландия, Тонга, Тувалу и Науру — поскольку это требует благословения международного сообщества и согласия грузинского правительства, чем присоединиться к клубу европейских регионов вместе с Аджарией, которая начиная с 1987 г. является членом Ассамблеи регионов Европы (АРЕ), и другими федеративными государствами, которые будут созданы в Грузии. Как бы то ни было, но академические дебаты о будущей форме абхазской государственности должны в конечном счете обратиться к тематике общих интересов Грузии и Абхазии.

Диалог между грузинскими и абхазскими учеными не должен рассматриваться как интеллектуальная форма переговоров между представителями обеих национальных общин. Ни один из участников не получил на это никакого политического мандата, и статьи выражают их индивидуальные взгляды. Об этом личном восприятии свидетельствуют, во-первых, различные методологические подходы к конфликту, принятые грузинскими и абхазскими авторами, и это прежде всего обнаружит читатель. Гиа Нодия, получивший подготовку политолога и философа, например, сосредоточивает свое внимание на том, как в обеих общинах возник замысел осуществления соответствующих национальных проектов посредством изменения исторических обстоятельств и как эти проекты столкнулись в борьбе за эмансипацию. Обе общины идентифицировали себя как нации на этнической основе и стремились к полному суверенитету за счет других этнических общин. Объясняя конфликт, все авторы подчеркивают важность субъективных представлений общественных коллективов о действительности. Реваз Гачечиладзе, как социальный географ, гораздо больше внимания уделяет анализу общих материальных интересов обеих общин, которые могут привести их к компромиссу.

Во-вторых, читатель найдет различия между политическими проектами и предложенными в них путями разрешения конфликта. Грузинские участники не обязательно разделяют одни и те же взгляды по поводу шагов, которые должны быть предприняты для урегулирования конфликта. То же можно сказать и относительно абхазских авторов. Как упоминалось выше, Станислав Лакоба рассматривает создание конфедеративного треугольника — Грузия, Абхазия и Чечня — как отправную точку для примирения между Грузией и Абхазией, тогда как Вячеслав Чирикба предлагает федеративную формулу, основанную на принципе внутреннего самоопределения, при котором Абхазия, Грузия, Аджария и Южная Осетия будут пользоваться полным суверенитетом на своей территории, но будут делегировать совместным органам — при обладании правом решающего вето — такие функции, как пограничный контроль, таможенная и внешняя политика. Чирикба гораздо более

оптимистичен, чем Станислав Лакоба, относительно возможности извлечения уроков из существующего мирового опыта в области деволюции и совместного суверенитета (shared sovereignty) реализации принципов равенства и самоопределения малых наций, находящихся в пределах больших государств. Он, однако, остерегается преступить грань и останавливается на простом утверждении, что совместный суверенитет может считаться одним из вариантов решения вопроса. Делегирование ряда функций совместным органам с правом решающего вето не выходит за рамки аморфного конфедеративного устройства, где суверенитет не осуществляется совместно, но все полномочия остаются под контролем государств-учредителей.

В-третьих, читатель может также обратить внимание на подход, предлагаемый отдельными авторами, к вопросу о политической ответственности за перерастание конфликта в открытую войну.

В данном предисловии мы не ставим своей целью проводить детальное сравнение занимаемых позиций, ограничив свою цель объяснением происхождения этого издательского проекта и указанием на некоторые проблемы, которые могут представить особый интерес для читателя. Но в то же время мы хотели бы отметить, что различные этические позиции, занятые авторами, не просто отражают их приверженность специфическим официальным политическим целям. Они основаны на различных представлениях о политической этике и моральном содержании таких ценностных категорий, как «нация» и «гражданин», которые преступают грань этих межобщинных различий.

Все эти отличные друг от друга подходы и предложения не являются выражением противоречия между умеренными и радикальными позициями. Все предложения должны действительно рассматриваться как положительный интеллектуальный вклад в политические переговоры, даже если они едва ли приемлемы в их существующей форме для другой стороны. Каждое предложение в одинаковой степени выражает лояльность к собственному сообществу. Различия в предложениях указывают на то, что в Грузии и Абхазии все же имеется определенное пространство для независимой политической мысли.

В общественном мнении Грузии и Абхазии также существуют противоположные подходы к конфликту, как это можно увидеть из неоднозначной реакции на встречу президентов Шеварднадзе и Ардзинбы в августе 1997 г. в Тбилиси. Общественное мнение в обоих государствах разделилось по вопросу о том, должна ли эта встреча, происшедшая в годовщину начала войны в 1992 г., расцениваться как положительный шаг к решению конфликта. Выбор этой даты

рассматривался многими абхазами, и не без основания, как бестактный шаг, навязанный российским посредником при проведении этой встречи без учета его символического значения для гражданского населения. Грузинское общественное мнение, по-видимому, намного более расколото по вопросу об отношении к продолжающимся переговорам, нежели абхазское. Это, во-первых объясняется политической и социальной маргинализацией внутренне перемещенных из Абхазии лиц в грузинском обществе. Гражданское население, которое осталось в Абхазии, относительно равномерно пострадало от продолжающейся экономической изоляции региона. В Грузии же произошла резкая дифференциация между долгосрочными интересами грузинских внутренне перемещенных лиц и остальной части грузинского населения. Во-вторых, отказ абхазского руководства от любого диалога с политическими представителями грузинского населения из Абхазии привел к радикализации их позиции. Некоторые из них выступают за применение силы для возвращения беженцев, проводя аналогию между данной ситуацией и положением Организации освобождения Палестины (ООП) в период до начала ею переговоров с израильским правительством. Еще неизвестно, какое влияние окажет на переговоры такая дифференциация позиций и мнений в обществе. Многое будет зависеть от того, как публика воспримет новые институциональные компромиссы. Большая часть грузинской общественности не примет компромисс, который может привести к отделению Абхазии. Грузинские внутренне перемещенные лица и другие общины Абхазии ожидают гораздо большего. Они хотят иметь весомые гарантии безопасности и могут отказаться от любого институционального компромисса, который они сочтут недостаточным для того, чтобы избежать могущей начаться новой войны. Под этим углом зрения переговоры, имевшие место в последние годы, дали немного причин для оптимизма. И хотя обе стороны не смогли предложить формулу, принимающую во внимание потребности безопасности другой, радикальные перемены в подходе к делу обеих сторон, как показано в статье Тео Янса, могли бы стать первым условием успеха.